

*Зов
тишины*

Анастасия Миронова

Анастасия Миронова

Зов тишины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73251793

SelfPub; 2026

Аннотация

Она – тишина. Он – гром. Их союз невозможен. Их война – неизбежна.

В мире, где сила твоего зверя определяет судьбу, Лира Винтерхолт – живой позор. Ее волчица молчит с самого детства, погруженная в ледяную кому. Поступить в элитную Академию Серебряного Клыка ей удалось лишь благодаря заслугам погибшего отца-легенды. Здесь её зовут «Пустышкой», и каждый день – это борьба за выживание.

Кай – наследник правящего клана, золотоволосый альфа, чья мощь неоспорима, а вены полны огня. Лира должна вызывать у него лишь презрение. Но её запах – холодный, как свежий снег, и острый, как чернила, – сводит с ума его волка. Он не понимает этой загадки, но чувствует, что в её тишине скрывается что-то, способное потрясти самые основы их реальности.

Когда в стенах Академии просыпается древняя угроза, а старые тайны кланов требуют расплаты, Лире приходится сделать выбор: навсегда остаться удобной для всех тенью или разбудить ту, что спала в ней долгие годы.

Содержание

Лед и пламя	4
Тени в каменных стенах	12
Испытание тишиной	22
Щепочка искры	33
Практикум выживания	40
Первая переменная	46
Первый шёпот контроля	52
Трещина	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Анастасия Миронова

Зов тишины

Лед и пламя

Лед. Это последнее, что я помню из того дня. Не холод снаружи – а внутри. Будто кто-то вогнал ледяной клинок прямо в грудину и расколол меня надвое. Мне было шесть. Папа только что уехал. А потом – ничего. Тишина.

Не обычная тишина. А та, что проглотила самое громкое во мне.

Десять лет спустя эта тишина была моей тюрьмой и моим щитом. Всё, что от меня осталось.

Поместье Винтерхолт не было домом. Это был саркофаг из серого камня, набитый призраками. Завтрак. Длинный стол, за которым когда-то собирался весь клан, теперь умещал только нас троих. Звук ножа дяди Кассиуса по фарфору отдавался в тишине, как удары топора по льду.

Я сидела прямо, разрезая омлет на идеальные, безжизненные кубики. Чувствовала его взгляд – тяжёлый, оценивающий.

«Дорога займёт полдня, – сказал он, откладывая нож. Его голос, низкий и спокойный, всегда казался слишком громким в этой гробнице. – Старший наставник Кленхарт встре-

тит у ворот. Не позорь имя».

Я кивнула, не отрываясь от тарелки. Имя. Винтерхолт. Когда-то оно значило «Советник Ледяного Клыка». Теперь, в устах шепчущихся за спиной, оно значило «Выдоххолт». Род, чья сила угасла.

«Книги взяла?»

«Все из списка. И ещё две по генеалогии северных кланов», – ответила я ровно. Мой голос звучал чужим даже для меня – плоским, лишённым обертонов. Если внутри меня не было зверя, то мой ум должен был стать лезвием. Я вызубрила каждое правило, каждый союз, каждую слабость, упомянутую в летописях.

Дверь скрипнула. В столовую вошла мама.

Элина Винтерхолт была похожа на прекрасную фреску, которую тщательно стирали, пока не остался лишь бледный контур. От неё пахло ладаном и полыньёю – запах вечного траура. После смерти отца её собственная волчица, как говорят, просто... не проснулась. Она ушла в себя вместе с ней.

Она подошла. Её пальцы, холодные и тонкие, едва коснулись моей щеки.

«Ты готова, дитя?»

«Да, матушка».

Её глаза, мои глаза, но потухшие, скользнули по мне. «Помни... тишина – не слабость. Иногда это единственный способ уцелеть».

Она повернулась и вышла, не обняв. Её шлейф ладана на-

крыл меня, как саван.

Кассиус вздохнул, звук вышел грубым, живым. «Она не хотела тебя обидеть. Она просто... там, в прошлом». Он встал, подошёл, положил тяжёлую, тёплую ладонь мне на плечо. «А тебе надо жить в настоящем. Академия – не это. Там закон сильнейшего. Твоя... пауза сделает тебя мишенью».

«Я знаю».

«Они будут дразнить. Ломать. Не дай. Ты – кровь моего брата. Твоя сила – здесь». Он ткнул пальцем мне в висок. «И здесь». Его ладонь прижалась к груди, над тем местом, где должно биться второе, дикое сердце. Его рука была тёплой. Единственным источником тепла во всём этом ледяном доме. «Выживи, Лира. Остальное приложится».

В его глазах я видела не жалость. Вину. И ту самую непоколебимую веру, которая держала эти стены от падения последние десять лет.

Академия Серебряного Клыка ударила по нервам, как натянутая тетива.

Она была огромной, грубой, живой. Камни, казалось, вибрировали от энергии сотен молодых оборотней. Воздух не просто пах – он атаковал: запах мокрой шерсти после дождя, острой хвои, тёплой земли, мускуса и вспышек чужой, беззаботной силы. Я шла за наставником Кленхартом, сжимая руки в кулаки, чтобы они не дрожали, дыша ртом, чтобы не захлебнуться этим буйством жизни, которого у меня не бы-

ло.

«Западное крыло, – бросил он, не оборачиваясь. Его спина была прямой, как будто он стыдился вести меня. – Для латентных, метисов и... прочих. Ритуал Проявления – завтра. Формальность».

Комната под самой крышей была крохотной клеткой с узкой щелью окна. Камень, дерево, соломенный тюфяк. Ничего лишнего. Ничего своего. Идеально для призрака.

Но призраком мне не дали стать. Уже в тот вечер, в ревущей, пропахшей мясом и луком столовой, я стала экспонатом.

«Ну-ка, гляньте, кто пожаловал! Винтер... хольт?» – голос за спиной был сладким, как яд.

Я обернулась. Девушка с каштановым конским хвостом и насмешливо приподнятой бровью. От неё пахло жжёным сахаром и перцем – нарочито, вызывающе. Майя. Я уже слышала это имя в потоке сплетен.

«Слышала, у тебя зверь так и не вылупился, – она сделала преувеличенно-сочувственную гримасу. – Правда ведь? Жалко. С таким-то именем».

«Моё обучение санкционировано Советом кланов», – выдавила я, чувствуя, как холод внутри меня сковывает голосовые связки. Не дрожь. Не показывай.

«О, «санкционировано», – передразнила она. Её прихвостни захихикали. – Ну что ж, завтра на Ритуале все и посмотрим, что именно санкционировано. Может, проявишь

улитку? Или там просто... пусто?»

Их смех впился в кожу, как осколки стекла. Я развернулась и ушла, не дав им увидеть, как по щеке скатывается единственная предательская капля ярости. Шёпот следовал за мной: «Пустышка...»

Ночь была долгой и абсолютно беззвучной. Я лежала, вглядываясь в темноту, пытаюсь пробиться сквозь лёд. Я кричала внутри. Звала. Умоляла. Рыдала от бессилия.

В ответ – только непроглядная, всепоглощающая глухота. Я была кораблём, застрявшим во льдах, и никакой сигнал бедствия не мог пробиться наружу.

Зал Зова пах страхом. Настоящим, животным. И возбуждением. И похотью к чужому унижению. Я стояла у стены, слившись с камнем, и разлагала воздух на составляющие, чтобы не сойти с ума: пот, адреналин, чужую гордость.

А потом вошёл он.

Не просто вошёл. Воздух расступился перед ним. Он был высоким, широкоплечим, с осанкой, которая кричала «моё» без единого слова. Волосы цвета старого золота. Лицо, которое должно было бы висеть в галерее героев. Кай. Наследник.

Его запах донёсся до меня первым, перекрыв всё: дуб, холодный дым и дикая, перевозданная мощь. Запах всего, чего я была лишена. Он прошёл, не глядя по сторонам, и сел в первом ряду. Моё сердце, единственное, что работало гром-

ко, заколотилось где-то в горле.

«Следующая, Лира Винтерхолт!»

Имя прозвучало как приговор. Шёпот, как рой злых ос. Я оттолкнулась от стены и вышла на чёрное зеркало площадки. Сотни глаз. Ухмылка Майи в первом ряду. Я закрыла глаза.

Пожалуйста, – шептало что-то во мне, маленькое и сломленное. Хоть что-нибудь.

Я собрала всю свою волю, всю боль, весь стыд в один ледяной шар и швырнула его в глухую пустоту внутри. ОТВЕТЬ!

Ничего.

Только мёртвая тишина, гуще и страшнее, чем когда-либо.

Я открыла глаза. Тишина в зале была злой, жаждущей. Первый сдавленный смешок прозвучал, как выстрел.

«Пустьшка!» – кто-то прошипел уже без тени сомнения.

Жар. Позорный, предательский жар залил меня с ног до головы. Я стояла, вжавшись в камень взглядом, желая испариться. И тут мой взгляд, против воли, пополз вверх. Нашёл его.

Кай не смеялся. Его лицо было каменной маской. Но его глаза... Янтарные, волчьи. Они смотрели прямо на меня. Не с насмешкой. С... интересом. С холодным, аналитическим любопытством. Его ноздри чуть дрогнули. Он медленно, намеренно, вдохнул. Будто пробовал воздух на вкус. Будто вынюхивал меня.

Это было в тысячу раз хуже. Насмешки я ожидала. А

это... это был взгляд хищника, нашедшего аномалию в своём лесу. Он видел не жертву. Он видел загадку, которую нужно разгадать.

«Ли́ра Винтерхолт, – голос мастера церемоний рубил тишину. – Зверь не отвечает на зов. Статус: Латент. Следующий!»

Слово «латент» повисло в воздухе, липкое и окончательное. Я кивнула, превратившись в автомат, и пошла прочь. Толпа расступалась, брезгливо, будто я была прокажённой. Я прошла мимо рядов. И почувствовала его взгляд, тяжёлый, как свинец. Он всё ещё смотрел. Когда я поравнялась с ним, он снова вдохнул. Глубоко. Направленно.

И я, пойманная этим взглядом, на миг забывшись... тоже вдохнула.

Его запах ворвался в меня – дуб, дым, сила. Он обжёг лёгкие, ударил в голову. Это был запах врага. Запах того, кто теперь никогда меня не оставит в покое.

Я выбежала в пустой коридор, прислонилась к холодной стене, и всё тело затряслось от мелкой, беззвучной дрожи. В ушах звенели насмешки. В ноздрях горел его дым. А внутри... внутри по-прежнему была вечная мерзлота.

Я была здесь. Я была Винтерхолт.

И моё первое сражение я только что проиграла наотмашь, при всём честном народе.

Но где-то там, в самой сердцевине льда, там, где раньше была только пустота, я впервые почувствовала... толчок.

Слабый, глухой, как удар подземного ключа о каменную толщу. Не пробуждение. Нет.

Тени в каменных стенах

Тишина после ритуала была не пустой. Она была густой, как смола, и заполняла всё пространство комнаты под самой крышей, впитываясь в пористый камень стен, в грубую шерсть одеяла, в саму кожу. Она звенела не в ушах – в костях. Глухой, назойливый гул провала.

Я не плакала. Слезы требовали энергии, влаги, а внутри меня был лишь сухой холод. Я сидела на краю кровати, ладони лежали на коленях, пальцы вытянуты и неподвижны. Так сидела, наверное, час. Два. Время в этой каменной шкатулке текло иначе, нелинейно, растягиваясь в липкую паутину стыда.

В окне, узкой бойнице, погас последний отблеск свинцового дня. Темнота пришла не внезапно – она подкралась, заполняя углы, пока комната не превратилась в подобие склепа. И только тогда я пошевелилась. Не потому что захотелось, а потому что тело начало неметь, протестуя против окаменевшей позы.

Встала. Зажгла масляную лампу на столе. Оранжевый, дрожащий свет вырвал из мрака клочок деревянной столешницы, стопку книг в кожаном переплёте, перо в чернильнице. Порядок. Здесь, на этом квадратном локте пространства, я могла навести порядок.

Я открыла сундук. Первой вынула шкатулку из тёмного дерева, потёртую по углам. Внутри, на бархатной подкладке, поблёскивал обсидиановый волчок – единственная игрушка, пережившая детство. Я не взяла его в руки. Просто поставила шкатулку на полку, рядом с книгами. Он должен быть на виду. Напоминанием не о том, что было, а о том, кому это было.

Затем – одежда. Простая, практичная: шерстяные платья, тёплые безрукавки, прочные сапоги. Всё серое, тёмно-синее, цвета мха и камня. Ничего яркого, что могло бы привлечь взгляд. Я развесила вещи в узком шкафу, тщательно расправляя складки. Каждое движение было ритуалом. Каждое – гвоздём, вбиваемым в гроб паники.

Работа руками успокаивала. Мысли, разрозненные и острые, как осколки, начинали укладываться в холодные, логические цепочки. Ритуал провален. Статус закреплён. Теперь всё будет только сложнее. Нужно составить карту угроз. Майя и её окружение – прямая вражда. Большинство студентов – безразличие, переходящее в презрение при удобном случае. Преподаватели... пока неизвестно. Наставник Кленхарт – нейтралитет, отягощённый обязательством перед дядей.

И он. Кай.

Мысль о нём вызывала не ярость и не страх, а глухое раздражение, похожее на зуд под кожей. Его поведение не вписывалось в схемы. Насмешка, презрение, даже жалость – я

была готова ко всему этому. Но не к этому... наблюдению. Как будто я была не человеком, а непонятым явлением, нарушающим законы его вселенной.

Я закрыла шкаф, закончив раскладку. Комната всё ещё была чужим местом, но теперь в ней был островок контроля. Маленькая крепость.

Из-за двери донёлся шум – приглушённые голоса, смех, топот ног по каменным плитам. Ужин. Желудок болезненно сжался, напоминая о пустоте, но я не двинулась с места. Выйти сейчас, в эту толпу, с этим свежим клеймом на лбу... Нет. Лучше голод. Голод был предсказуем.

Вместо этого я села за стол, развернула лист чистого пергамента, взяла перо. Чернила были густыми, тёмными. Я вывела вверху: «Наблюдения. День первый».

И остановилась. Что писать? «Всё плохо»? Это и так было очевидно. Перо замерло над бумагой, клякса набиралась, грозя упасть. Я отложила его, потеряла виски. Усталость, тяжёлая и свинцовая, накатывала волнами. Не физическая. Душевная. Та, что вымывает все мысли, оставляя лишь пустотное безразличие.

Лёгкий стук в дверь заставил вздрогнуть. Не грубый, не настойчивый. Скорее... осторожный. Я замерла, прислушиваясь. Может, показалось?

Стук повторился. Три отрывистых, лёгких удара.

Я медленно подошла к двери, не открывая. – Кто там? – Открой. Это по распорядку, – голос за дверью был молодым,

безразличным. Я повернула ключ, щёлкнул тяжёлый засов.

В проёме стоял юноша лет шестнадцати, в форме помощника эконома. В руках он держал сверток из грубой ткани и глиняную кружку, от которой поднимался слабый пар. – Для новеньких, – буркнул он, суя свёрток и кружку мне в руки. – Ужин. Завтрак и обед – в столовой. Не опаздывай.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и зашагал прочь, его шаги быстро затихли в коридоре.

Я закрыла дверь, вернулась к столу. Развернула ткань. Внутри лежал ломоть тёмного хлеба, кусок сыра и яблоко, чуть помятое с боку. Простая еда. В кружке был травяной чай, горьковатый, но тёплый. Я ела медленно, маленькими кусочками, чувствуя, как тепло от чая по жилам разливается, оттаивая окоченевшие пальцы. Эта простая забота, пусть и безликая, по какой-то нелепой прихоти устава, сломала что-то внутри. В горле встал ком. Я сжала зубы, заставила себя глотать. Не сейчас. Ни за что.

Когда поели последнюю крошку, я погасила лампу. Лёжа в темноте, под тонким одеялом, я слушала звуки Академии, доносившиеся сквозь толщу камня. Где-то далеко – приглушённый рёв, похожий на рык, но обтянутый человеческим смехом. Кто-то пробежал по коридору с диким, радостным улюлюканьем. За стеной кто-то плакал, стараясь заглушить звук в подушку.

Это был мир, полный жизни. Дикой, необузданной, порой жестокой. Мир, из которого я была вычеркнута.

Сон не шёл. Я ворочалась, ища на жестком тюфяке место, где кости не упирались бы в солому так болезненно. Мысли возвращались к утру, к чёрному камню Зала, к сотням глаз. И снова – к его взгляду. К тому, как он смотрел не на меня, а сквозь меня, будто пытаюсь разглядеть контуры невидимого. От этой мысли по коже пробежали мурашки, странная смесь отвращения и любопытства.

Я закрыла глаза, пытаюсь вызвать в памяти образ отца. Но вместо чёткого лица всплыло лишь ощущение: большая, тёплая рука на голове, запах морозного ветра и кожи. И голос, тихий, но такой ясный: «Сила не всегда рычит, дочка. Иногда она молчит и ждёт».

Ждёт чего? Смерти? Забвения?

Я повернулась на бок, уткнувшись лицом в подушку, которая пахла пылью и чужим потом. И в этот момент, в полной темноте, отрезанная от всех звуков, я впервые попыталась не позвать, а прислушаться. Не к сердцебиению, не к дыханию. К тому, что было под ними. К той глубине, где когда-то, в шестилетней девочке, погас свет.

Там была не просто пустота. Там был... лёд. Ощутимая, почти физическая глыба холода где-то за грудиной. Не боль. Отсутствие. Я мысленно положила ладонь на эту воображаемую глыбу. Не растаять её. Просто признать.

«Я здесь, – прошептала я в подушку. – Можешь не отвечать. Но я здесь».

Ответа не последовало. Ни толчка, ни шепота. Но что-то

изменилось. Напряжение, с которым я ждала провала, ослабло. Я просто лежала в темноте, одна, в своей каменной клетке, с ледяным сердцем внутри, и смотрела в потолок, которого не было видно.

И понемногу, без всяких снов, темнота поглотила меня.

Утро пришло с серым, промозглым светом и стуком в дверь – на этот раз громким и не терпящим возражений. Расписание.

Весь день прошёл как в густом тумане. Теория истории кланов в длинной, холодной аудитории. Я сидела с краю, опустив голову над пергаментом, старательно выводя буквы. Лектор, древний оборотень с седой бородой, говорил монотонно о великих альянсах и войнах тысячелетней давности. Никто не обращал на меня внимания. Я была мебелью. Это было почти облегчением.

Потом – основы стратегии. Здесь было сложнее. Преподаватель, бывший воин с жёстким взглядом, задавал вопросы, требующие не знания дат, а мысли, гибкости ума. Когда его взгляд скользнул по рядам, я инстинктивно вжалась в стул. Он спросил о слабых местах в обороне горной крепости. Несколько человек выкрикнули очевидные ответы: с севера, с воздуха. Он качал головой.

Тишина затянулась. Я чувствовала, как от меня ждут молчания. Но ум, натренированный годами изучения карт и хроник, уже прокручивал варианты. Это была не сила зверя. Это была моя территория. – Водоснабжение, – сказала я тихо, но

чётко. – Если крепость в горах, она зависит от горных источников или цистерн. Отравление или отвод ключевого ручья подорвёт её быстрее любой осады.

В аудитории воцарилась тишина. Преподаватель уставился на меня, его брови поползли вверх. – Имя? – Лира Винтерхольт. Он медленно кивнул, ничего не добавив, и продолжил лекцию. Но в его взгляде мелькнуло нечто, кроме привычного безразличия. Уважение? Нет, скорее переоценка.

После занятия ко мне подошла девушка с рыжими, непослушными кудрями и веснушками на носу. – Это было умно, – сказала она быстро, оглядываясь, как бы боясь, что её увидят. – Я – Сигрид. Я тоже на стратегии и травологии. Ты... ты правда Винтерхольт? – Да. Она кивнула, её глаза, зелёные как лесной мох, бегло осмотрели меня. – Держись подальше от Майи. И... удачи. Она исчезла в толпе так же быстро, как появилась. Первый, кто заговорил со мной без насмешки. Маленький проблеск. Или ловушка? Пока не знала.

К концу дня усталость стала физической, ноющей в каждой мышце. Оставалось последнее – получить детальное расписание у церемониймейстера. Его кабинет находился в центральной башне.

Я шла по пустынному переходу, высокие аркадные окна которого выходили во внутренний двор, когда увидела их.

Группка студентов стояла в тени арки. Майя была в центре. Они о чём-то смеялись. И тут её взгляд упал на меня. Ухмылка сползла с её лица, сменившись холодным интересом.

Она что-то сказала своим спутникам, и вся группа развернулась, блокируя узкий проход.

Я замедлила шаг, но остановиться означало признать страх. Я продолжила идти, глядя прямо перед собой, надеясь, что они расступятся.

Они не расступились.— О, смотри-ка, кто к нам пожаловал, — протянула Майя. — Сама легенда в юбке. Как твой первый день, Пустышка? Уже нашла, где спрятаться?— Пропустите меня, — сказала я ровно, останавливаясь в двух шагах.— А мы что, мешаем? — она сделала преувеличенно-невинное лицо. — Мы просто стоим. Ты можешь пройти. Если сможешь.

Один из её прихвостней, коренастый парень с насмешливыми глазами, сделал шаг вперёд, перекрывая остаток прохода. Вызова не было. Была проверка на прочность. Молчаливая и унижительная.

Адреналин, горький и знакомый, ударил в кровь. Варианты пронеслись в голове. Повернуть назад — признать поражение. Попытаться пробиться — спровоцировать драку, которую я гарантированно проиграю. Просить — унизиться.

Я стояла, сжав кулаки, чувствуя, как жар стыда начинает подниматься к щекам. И в этот момент из-за поворота вышел он.

Кай шёл один, его взгляд был рассеянно устремлён куда-то вдаль, на складки облаков за окнами. Он почти поравнялся с нашей группой, когда его шаг замедлился. Не пото-

му что он увидел нас, а будто почувствовал изменение в атмосфере. Его голова повернулась. Янтарные глаза скользнули по Майе, по её друзьям, и остановились на мне. На моём лице, на котором, я знала, читалось всё: и гнев, и беспомощность.

На его лице ничего не изменилось. Ни раздражения, ни злорадства. Лишь лёгкая, почти незаметная тень усталости, как у взрослого, вынужденного вновь разнимать детей.

Он не сказал ни слова. Он просто подошёл и остановился рядом, так что его плечо оказалось между мной и коренастым парнем. Он даже не посмотрел на того. Его взгляд был обращён вперёд, к концу перехода, как будто вся эта сцена была ниже его внимания. Но его присутствие, молчаливое и неоспоримое, изменило всё. Воздух сгустился, наполнившись напряжением уже другого рода.

Парень невольно отступил на шаг. Майя сжала губы, её глаза сверкнули злобой, но не на меня – на Кая. Она что-то прошипела своим друзьям, бросая на него взгляд, полный неприкрытой ненависти и... страха. Затем она фыркнула и, резко развернувшись, пошла прочь. Её группа потянулась за ней.

Кай всё ещё не смотрел на меня. Он сделал шаг вперёд, как будто просто продолжил прерванную прогулку. – Кабинет церемониймейстера – в конце перехода, налево, – произнёс он тихо, голосом, не требующим ответа. И прошёл мимо, оставив меня стоять одну в опустевшем коридоре.

Он не помог. Не заступился. Он просто... расчистил пространство. Как уберёт бы со стола ненужную безделушку, чтобы она не мешала. В этом было что-то более оскорбительное, чем прямая насмешка. Но также... более честное.

Я снова пошла, ноги были ватными. Его запах – не дым и дуб, а что-то более сложное, прохладное и осторожное – ещё витал в воздухе, смешиваясь с запахом старого камня и моего собственного страха.

Церемониймейстер вручил мне пергамент с печатью, проворботав что-то о правилах и дисциплине. Я почти не слышала. В ушах всё ещё гудело от столкновения. От его молчаливого вмешательства.

Возвращаясь в своё крыло, я уже знала, что ничего не закончилось. Это только начиналось. И я была уже не просто «пустышкой». Я стала точкой напряжения между теми, кто меня ненавидел, и тем, кто смотрел на меня как на загадку.

А загадки, как я знала из книг, имеют обыкновение или разгадываться, или уничтожать того, кто за ними охотится.

Испытание тишиной

Настал день, которого я боялась с самого начала. «Основы контроля и взаимодействия с сущностью» проводили не в спортзале, а в специальном Зале Единения – круглой комнате с мягкими матами на полу и приглушённым светом. Здесь не готовили воинов. Здесь учились слушать. Для меня это был зал пыток.

Наставница, женщина по имени Илма с серебряными прядями в тёмных волосах и спокойным, глубоким голосом, объясняла теорию.– Зверь – не враг и не раб. Он – голос вашей инстинктивной мудрости, ваша связь с древней силой. Сегодня мы не будем его будить. Мы попробуем ощутить его сон: дыхание, ритм, температуру. Его присутствие в тишине.

Меня бросило в жар. Тишина была моим проклятием. Что я могла ощутить в ней, кроме пустоты?

– Разбейтесь на пары. Сядьте спина к спине. Закройте глаза. Дышите в одном ритме. Попробуйте почувствовать не только своё, но и эхо сущности партнёра. Не силу – качество. Огонь, землю, ветер, лёд.

Пары образовались быстро. Я осталась стоять одна, как маяк бесполезности. Илма мягко, но настойчиво направила меня к свободному месту рядом с девушкой, которая смотрела на пол. Мы сели спинами друг к другу. Я почувствовала тепло её тела и лёгкую дрожь – она тоже была латентной или

просто боялась.

Я закрыла глаза, стараясь дышать ровно. Я ныряла внутрь себя, в привычную пустоту. «Ощути сон», – говорила Илма. Но как ощутить сон, который длится вечность? Я концентрировалась на дыхании, пыталась представить, что за грудной клеткой дышит что-то ещё. Больше. Глубже. Ничего. Только мои собственные лёгкие, наполняющиеся и опустошающиеся. Рядом девушка вздохнула, и её спина чуть прогнулась. От неё пахло страхом и мокрой вербой. Ничего звериного.

– Поменяйтесь партнёрами, – скомандовала Илма через несколько минут.

Новая пара. На этот раз ко мне подсел коренастый парень с уже проснувшимся зверем – от него исходило ощущение тёплой, сырой земли и терпения. Он фыркнул, когда мы соприкоснулись спинами, но подчинился. Я снова погрузилась в себя. И на этот раз я почувствовала. Не эхо его зверя, а его... нетерпение. Скуку. Лёгкое презрение ко мне, к этому упражнению, ко всей этой «тихой ерунде». Это было не сверхъестественное чувство. Это читалось в напряжении его мышц, в ритме его дыхания. Но это было что-то. Контакт.

– Неплохо, – тихо сказала Илма, проходя мимо. Её рука на миг легла мне на плечо. – Ты улавливаешь эмоциональный фон. Это начало.

Начало чего? Чувствовать, как меня презирают?

Третий раунд был предсказуем. Илма, движимая либо педагогическим принципом, либо скрытой жестокостью, ска-

зала: «Винтерхолт, Майя. Ваша очередь».

Майя подошла с ленивой улыбкой. Мы сели. Её спина была прямой, сильной. От неё сразу потянуло волной тепла и сухого, колючего запаха полыни и горячего песка – запах её проснувшейся, нетерпеливой сущности.

– Ну что, Пустышка, – прошептала она так, чтобы слышала только я. – Давай «послушаем» друг друга. Я уверена, твоя тишина просто оглушительна.

Я закрыла глаза, стиснув зубы. Я пыталась отгородиться, создать стену. Но её присутствие было агрессивным. Оно давило. Я не чувствовала эха её зверя – я чувствовала саму её, её злорадство, её желание меня растоптать. И под этим – тёмный, жаркий ручеек чистой, необузданной силы. Это было отвратительно и... завораживающе. Как стоять на краю действующего вулкана.

– Ну? – её шёпот стал громче, игнорируя правила занятия. – Что ты там слышишь, Винтерхолт? Тишину? Или... ничего? Просто вакуум, где когда-то была жизнь?

Я не ответила. Я концентрировалась на дыхании, пытаюсь её игнорировать.

– Знаешь, что я чувствую от тебя? – продолжила она, и её голос стал ядовитым. – Холод. Могильный холод. Как будто твой отец забрал всё тепло рода с собой в могилу, а тебя оставил тут остывать. Жалко.

Слова, как лезвия. Я невольно вздрогнула. Она почувствовала это – её спина напряглась от удовольствия.

– Да, именно так, – прошипела она. – Ты – надгробие. Напоминание о том, что всё заканчивается. Думаешь, тебя здесь терпят из уважения к прошлому? Тебя терпят, как терпят урну с прахом на полке – потому что выбросить её кажется дурной приметой.

Яркая, белая вспышка ярости ударила мне в голову. Я резко оборвала медитацию, моё дыхание сбилось. Я хотела обернуться и врезать ей. Чем угодно. Но я была прижата к ней спиной, парализована этой позой, этой проклятой близостью.

И Майя почувствовала мою ярость. Её зверь отозвался. Её запах стал гуще, острее. Тёплый песок стал раскалённым, польнь – ядовитой. Давление в воздухе возросло. Она медленно, демонстративно, начала разворачиваться ко мне, её движения стали плавными, по-кошачьи опасными. Она нарушала все правила упражнения, но её переполняло желание довести меня до срыва, увидеть слёзы, доказать своё превосходство здесь и сейчас.

– Майя, – предупредительно сказала Илма, но в её голосе была неуверенность. Майя была сильной, её семья влиятельна.

И в этот момент с галёрки, где несколько старшекурсников наблюдали за занятием, раздался голос. Негромкий. Абсолютно спокойный. Но каждый слог был отчеканен, как монета, и нёс в себе вес неоспоримого авторитета.

– Статья четвёртая Устава Академии, пункт первый: «Лю-

бое занятие, направленное на развитие тонкого восприятия или контроль над сущностью, должно проходить в обстановке психологической безопасности. Любое умышленное действие, ведущее к эмоциональному срыву, панике или травме латентного студента во время такого занятия, приравнивается к физическому насилию и карается немедленным отстранением с последующим слушанием перед Советом Старейшин».

В зале повисла абсолютная тишина. Даже дыхание замерло. Все головы повернулись. На верхней ступени амфитеатра, прислонившись к колонне, стоял Кай. Он не смотрел на Майю. Он смотрел на наставницу Илму. Его лицо было бесстрастным, но янтарные глаза горели холодным, абсолютно ясным огнём. Он не угрожал. Он цитировал закон. И в этом была страшная сила.

Майя замерла на полпути. Её лицо исказилось от бешенства и паники. Она знала, что он прав. И знала, что он, наследник, не побоится довести дело до Совета.

Илма, побледнев, резко кивнула.— Майя! На место! Упражнение окончено. Всем – спасибо.

Майя, бросая на Кая взгляд, полный такой лютой ненависти, что по коже пробежали мурашки, развернулась и, не глядя на меня, ушла на своё место. Её спина была напряжённой, как тетива.

Кай не стал ждать. Он развернулся и вышел из зала, даже не бросив взгляд на последствия своего вмешательства. Он

появился и исчез, как холодный сквозняк, восстановив порядок одним лишь присутствием и знанием правил.

Занятие продолжилось, но я уже ничего не слышала. Я сидела, обнимая колени, и дрожала мелкой, неконтролируемой дрожью. От ярости. От унижения. От того, что меня снова «спасли», публично обозначив мою слабость. Но также – от странного облегчения. Он остановил её. Не физически. Законом. И это значило, что даже здесь, в этом мире силы, для меня была какая-то защита. Худая, бумажная, но защита.

Вечером я не пошла в столовую. Мне нужно было убежище, где я могла бы переварить этот день. Я направилась в библиотеку, но не на свой привычный третий ярус. Я поднялась выше, в отдел редких рукописей, где почти не бывало людей. Здесь, среди шкафов с запёртыми решётками и витрин с потускневшими свитками, царила настоящая, благоговейная тишина.

Я нашла узкую нишу между шкафом и стеной, где стояло старое кожаное кресло. Я утонула в нём, закрыла глаза, пытаясь прогнать из головы образ Майи, её слова, и его... его спокойное, неумолимое лицо.

Шаги застали меня врасплох. Они были лёгкими, но твёрдыми, и шли прямо сюда. Я открыла глаза, когда он вышел из-за поворота прохода.

Кай. Он шёл, не глядя по сторонам, будто точно знал, куда идёт. В руках он держал книгу в тёмном переплёте. Он остановился в двух шагах от моего кресла, и только тогда его

взгляд упал на меня. В его глазах не было удивления. Было... ожидание. Как будто он знал, что найдёт меня здесь.

– Винтерхолт, – произнёс он. Его голос в этой тишине звучал глубже, лишённым эха.

– Наследник, – ответила я, не пытаюсь встать. Моя усталость была сильнее приличий. – Пришли проверить, не нанесла ли мне Майя психологической травмы? Для отчёта?

– Я пришёл за книгой, – сказал он, поднимая ту, что был в руках. Но он не уходил. Его взгляд скользнул по мне, оценивающий, аналитический. – Хотя твоя саркастичная живучесть обнадёживает.

– О, я просто «надгробие», как сказала Майя. Надгробия устойчивы к словам.

Он наклонил голову. – Ты запомнила дословно. Интересно. Большинство в такой ситуации стараются забыть.

– Я не «большинство». Я та, у кого нет другого оружия, кроме памяти.

– И языка, – добавил он сухо. – Твой отец славился и тем, и другим.

Разговор повернул туда, куда я не хотела. Я почувствовала, как внутри сжимается лёд. – Что ты хочешь знать? – спросила я, глядя прямо на него. – Как он выглядел перед смертью? Какие были его последние слова? Я не знаю. Мне было шесть. Всё, что я помню – холод.

Он сделал шаг ближе, и свет от высокого витражного окна упал на его лицо. Я впервые разглядела тонкую сеточку шра-

мов над бровью и жёсткую линию скул.— Холод, — повторил он. — Тебе не кажется странным, что человек, чья сущность была воплощением зимней ясности, погиб от... холода? В метель, как говорят отчёты.

— Что в этом странного? Стихия не разбирает.— Аррен Винтерхолт не был тем, кого могла застать врасплох стихия. — Его голос стал тише, но от этого только весомее. — И он не был бы тем, кто взял бы в пограничный рейд свою шестилетнюю дочь, если бы не считал, что она в большей безопасности с ним, чем без него. От кого?

Лёд внутри треснул. Не от пробуждения. От боли. От той самой застарелой, детской боли, которую я годами прятала под слоями равнодушия.— Ты что, предполагаешь, что он что-то знал? Что кто-то хотел причинить вред мне? — мой голос звучал резко, с надрывом.— Я предполагаю, что ничего не бывает просто так. Особенно со смертью таких людей. И с такими... последствиями. — Его взгляд скользнул по мне, и в нём не было жалости. Был холодный, неумолимый анализ.

Я встала. Мне нужно было пространство между нами.— Ты любишь копаться в чужих ранах, наследник? Находишь это развлечением для скучных вечеров?— Я нахожу это необходимым, — отрезал он. — Разберись в своих тенях, Винтерхолт, пока они не поглотили тебя целиком.

Мы стояли так, в тишине архива, разделенные парой шагов, но пропастью непонимания и взаимного раздражения. И тут он снова это сделал. Его взгляд потерял фокус. Он ти-

хо, почти незаметно, вдохнул. Его ноздри дрогнули. Он не смотрел на меня, он прислушивался к чему-то. К тому, что витало в воздухе вокруг меня.

И я вдруг осознала этот запах сама. Не его – свой. Не просто отсутствие. Чистый, холодный воздух после снегопада. Горьковатая пыль полыни, растущей на камнях. И стойкий, неуловимый запах старого пергамента и железоголло-вых чернил – запах знаний, которые нельзя стереть. Запах одиночества и памяти.

Он почувствовал это. Это было написано на его лице – на мгновение его уверенность дрогнула, сменившись тем самым недоумением, которое я видела в Зале Зова. Он потерял нить разговора. Потерял контроль.

– Ты... – начал он и запнулся, что было на него совершенно непохоже.

– Я что? – моя ярость вернулась, подпитанная его замешательством. Я сделала шаг вперёд. – Пахну чем-то, что не вписывается в твои таблицы? Пустотой с оттенком старой библиотеки?

Он резко выпрямился, и его лицо снова стало непроницаемой маской. Но в глубине янтарных глаз ещё плескалось что-то смущённое, почти раздражённое. – Я не говорил о запахе, – отрезал он, но это была слабая защита. – Но ты подумал. Ты всегда думаешь. И нюхаешь. Как гончая на следу.

Он сжал губы. В его взгляде мелькнула вспышка настоящего гнева, но он тут же подавил её. – Ты не представляешь,

о чём говоришь.— Тогда объясни! — выпалила я, уже не думая о последствиях. — Объясни, почему ты, наследник всего, тратишь время на то, чтобы следить за мной, цитировать мне устав и задавать вопросы о моём мёртвом отце? Что тебе от меня нужно?

Он смотрел на меня несколько долгих секунд. Воздух между нами казался наэлектризованным.— Порядка, — наконец сказал он тихо. — Мне нужен порядок. А ты, Лира Винтерхолт, — беспорядок. Аномалия. И я ненавижу аномалии, которые не могу классифицировать.

Он развернулся и ушёл. Его шаги быстро затихли среди лабиринта стеллажей. Я осталась стоять, опираясь о спинку кресла, сердце колотилось где-то в горле. В ушах звенела тишина, теперь нарушаемая только моим собственным дыханием.

Он назвал меня по имени. И сказал, что я — беспорядок. Я медленно опустилась обратно в кресло. Раздражение и ярость постепенно уступали место холодной, ясной мысли. Он не просто наблюдал. Он изучал. И я была для него проблемой. Не жертвой. Не пустышкой. Проблемой, которую нужно решить.

И где-то в самой глубине, подо льдом, впервые за всё время что-то едва заметно шевельнулось. Не сила. Не голос. Чувство. Чувство странного, извращённого удовлетворения. Если я — проблема, значит, я — не ничто. Я — нечто. Незвестное. Возможно, опасное.

Я посмотрела в темноту, куда он ушёл. Хорошо, наследник Кай. Охота началась. Посмотрим, кто кого выследит первым.

Щепочка искры

События в Зале Единения оставили после себя странный осадок. Публичный позор смешался с публичной защитой, и теперь я была объектом двойного внимания: одних – насмешливого, других – оценивающего. Даже на уроке физической подготовки, куда я шла с привычной горечью, атмосфера была иной.

Инструктор Бранн, человек-скала с вечным выражением презрения к человеческой слабости, поставил нас в пары для отработки захватов и освобождений. Его методы были просты: брось или будь брошен. Силой, а не хитростью.

Моей первой парой стал Элрик, худощавый метис. Он был осторожен, почти робок, его движения неуверенны. Мы справлялись, но когда Бранн проходил мимо, он фыркнул, глядя на наши робкие попытки: «Вы что, перья друг у друга выщипываете? Дави!»

Элрик покраснел, и его следующая хватка стала жестче, причиняя боль. Я стиснула зубы, применяя освобождение с резким рывком. Это сработало. Бранн бросил на нас неодобрительный взгляд и двинулся дальше.

«Следующая пара! Винтерхолт и Лоркан!»

Лоркан был из Северного крыла, альфа с уже проснувшимся зверем, излучавший уверенность и легкое высокомерие. Его хватка была как стальной капкан. Мне не хватило

ни силы, ни рывка, чтобы вырваться. Он прижал меня к мату с унижительной легкостью, и в его глазах мелькнуло удовлетворение.

– Слабовато, Винтерхолт, – пробормотал он, отпуская. Я встала, отряхиваясь, чувствуя жгучую волну стыда. Но вместо того чтобы опустить голову, я проанализировала его захват. Он полагался на грубую силу, оставляя корпус незащищенным при определенном угле.

Когда пришла моя очередь атаковать, я не стала бороться с ним в лоб. Я сделала вид, что иду на прямой захват, а в последний момент резко сместилась, подставила ногу и, используя его же инерцию, потянула за руку. Он не упал, но споткнулся, потеряв равновесие на мгновение. Этого было достаточно, чтобы я вывернулась и оказалась у него за спиной.

Бранн, наблюдавший, издал короткий, похожий на покашливание звук. – Хитро, – бросил он, проходя мимо. – Но хитрость – уловка для слабых. Разовый трюк. Не сила.

Это была не похвала. Это была констатация. Но в его словах не было уже того откровенного презрения. Было холодное признание факта: я нашла способ, пусть и жалкий. И этот способ сработал. Один раз.

Этот маленький эпизод стал для меня щепочкой, тлеющей в темноте. Я не была сильной. Но я не была и беспомощной. У меня была тактика.

Эта тактика пригодилась на уроке травологии, который

стал поворотным. Старый Корвин раздал нам подлинные, пожелтевшие отчёты о необычных случаях на границах. «Диагностика, – хрипел он, – начинается с умения видеть нетипичное».

Мой отчёт описывал нападение оборотня-берсерка на заставу. Сухим языком перечислялись симптомы выживших: агрессия, истощение, временная потеря связи с зверем, ощущение «пронизывающего внутреннего холода». И внизу, в графе эксперта, стояла подпись, от которой похолодели пальцы: «Аррен Винтерхолт, советник».

Я читала и перечитывала строки, пока буквы не поплыли перед глазами. Внутренний холод. Угасание связи. Отец изучал нечто, что могло «выключить» зверя. За месяц до собственной гибели. Я машинально подняла взгляд и встретила изучающий взгляд Корвина.

– Нашли что-то знакомое? – спросил он без эмоций. – Подпись... моего отца. – А, – он кивнул, как будто что-то вспомнил. – Аррен. Он был одним из последних, кто копался в таких... странностях. Считал, что ключ к пониманию нашей сущности лежит в её сбоях. После него эти исследования сочли... бесперспективными.

Он повернулся к доске, закончив разговор, но его слова – «странности», «сбои», «бесперспективно» – повисли в воздухе. Исследования отца не просто прекратились. Их закрыли. Почему?

Этот вопрос горел у меня в голове, когда на стратегии мы

с Сигрид разбирали план обороны ущелья. Я предлагала не прямую конфронтацию, а создание иллюзии огромных сил – шума, следов, ложных маневров. Сигрид, с её практичным умом, спорила, но в итоге мы сошлись на гибридном варианте.

– Нестандартно, – прокомментировал наш эскиз преподаватель Торгрэн, бывший воин с лицом, изборожденным шрамами. – Напоминает старый приём. Ваш отец, Винтерхолт, использовал нечто подобное у Скалы Плача. Заставил целый клан отступить, не пролив ни капли крови. Они до сих пор верят, что их преследовали призраки.

«Призраки». Тактика иллюзии, страха. Тактика ума. Впервые чужое сравнение с отцом не вызвало у меня боли, а зажгло крошечную, робкую искру. Может, я что-то от него унаследовала не в силе, а в подходе.

После занятий, измотанная, но с этой тлеющей внутри искрой, я шла через внутренний двор, надеясь успеть в столовую до основного наплыва. У старого, сухого фонтана меня ждал он.

Кай вышел из-под аркады неожиданно, но без театральности. Он был без плаща, в простой темной рубашке, и выглядел... обыденно. И оттого более реально и опасно.

– Винтерхолт, – его голос прервал вечернюю тишину. Я остановилась. – Наследник. Вы проверяете, не сломалась ли я после занятия у Бранна? – Я видел, как ты споткнула Лоркана, – сказал он прямо, без насмешки. – Это было умно.

Бесполезно в долгосрочной перспективе, но умно. Как и твоя работа на стратегии. «Призрачная стая» – это была твоя идея? Сердце ёкнуло. Он действительно следил. Не просто наблюдал – анализировал. – Да, – ответила я коротко. – Твой отец был мастером таких иллюзий, – продолжил он, делая шаг ближе. От него теперь пахло не дымом и дубом, а кожей, мылом и холодным камнем – запахом самого двора. – Он понимал, что иногда тень страшнее когтей. Ты читала отчёт на травологии?

Вопрос прозвучал как удар. Я замерла. – Как вы... – Я знаю, что Корвин выдаёт на тех занятиях. И я знаю, какой отчёт мог попасть тебе. Тот, с подписью твоего отца. Тот, что описывает симптомы, до боли знакомые любому, кто видел тебя в Зале Зова. Пустоту. Холод.

Он смотрел на меня, и в его янтарных глазах не было ни жалости, ни злорадства. Был холодный, неумолимый интерес учёного, нашедшего подтверждение гипотезы. – Ты думаешь, это совпадение? – спросила я, и голос прозвучал чужим. – Я не верю в совпадения такого масштаба, – отрезал он. – Твой отец изучал феномен «угасания». Потом погиб при странных обстоятельствах. Потом у его дочери наступает «латентность», не похожая ни на что. И теперь, когда на неё оказывают давление, в воздухе происходит... что-то. Я чувствовал это в Зале Единения. Лёгкое колебание. Изменение давления.

Он видел связь. Чёткую, как математическую формулу.

И он выкладывал её передо мной.— Зачем ты мне это говоришь? — прошептала я.— Потому что ты в центре этого уравнения. И у тебя есть выбор. Продолжать быть пассивной переменной, за которую будут решать другие. Или стать активной. Узнать правду. — Он сделал паузу, его взгляд стал тяжелее, пронзительнее. — Я предлагаю тебе союз, Лира. Не защиту. Партнёрство в расследовании. У меня есть доступ к архивам, к закрытым материалам. У тебя есть... ключ. Ты сама. Твои ощущения. Твоя связь с этим.

Он назвал меня по имени. И предложил не жалость, а союз на почти равных. От этого голова пошла кругом.— А что ты получишь? — спросила я, цепляясь за логику, чтобы не утонуть в этом предложении.— Ответы. Понимание угрозы, которая, как я подозреваю, касается не только тебя. Порядок. Я ненавижу неразгаданные загадки в своих владениях. И, — он слегка наклонил голову, — возможно, нового стратега. Ум, который думает не как все, в определённых обстоятельствах ценнее десятка сильных лап.

Он говорил со мной как с равным. Как с ресурсом. Это было пугающе и невероятно лестно.— Библиотека. Закрытый архив. Послезавтра, вечером, — сказал он, отступая на шаг. Его предложение висело в воздухе, осязаемое, как протянутая рука. — Приди, если хочешь знать. Если предпочитаешь неведение... что ж, это тоже выбор.

Он развернулся и ушёл, не дожидаясь ответа. Он знал, что он мне нужен. Он знал, что я приду.

Я осталась стоять у фонтана, в крошечной тьме, наступившей после его ухода. Лёд внутри не растаял. Но в нём появилась не трещина, а целый ход, тоннель, ведущий в неизвестность. Страх сжимал горло. Но под ним бушевало что-то новое – не ярость, а жгучее, всепоглощающее любопытство. И воля. Воля узнать, что скрывается за моей тишиной. Даже если это окажется чудовищем.

Я посмотрела на тёмные окна библиотечной башни. Послезавтра. У меня было время подумать. Но я уже почти знала ответ. Гордость – плохой советчик. Но голод по правде был сильнее страха. Сильнее гордости.

Я повернулась и пошла к своему крылу, чувствуя, как с каждым шагом внутри крепнет холодная, твёрдая решимость. Я пойду.

Практикум выживания

Мысль о встрече с Каем в библиотеке жгла мне мозг, как нарыв. Но между мной и этой встречей встало нечто более осязаемое и немедленное: «Практикум первоодков». Не Испытание ещё, но его жестокая репетиция. Неделя специальных, изматывающих занятий, призванных «отсеять тех, кто не потянет настоящее».

Нас выводили за стены Академии в ближний лес, и инструкторы – суровые ветераны вроде Бранна и его подчинённых – ставили перед нами задачи на выживание и тактику. Здесь не было теории, только действие. И здесь моя «тишина» становилась смертельным недостатком.

Первый день: «След и анти-след». Нас разбили на пары «охотник» и «добыча». «Добыча» получала пятнадцать минут, чтобы скрыться и замаскировать следы, «охотник» – чтобы найти. Меня поставили «добычей» с «охотником» в виде одного из прихвостней Майи, парня с острым нюхом и быстрыми ногами. У меня не было звериного чутья, чтобы почуять его приближение, не было скорости, чтобы оторваться. Я могла только хитрить. Я бежала не вглубь леса, а по мелкому ручью, вышла на каменистую осыпь, где следы терялись, залезла на низкое, раскидистое дерево и замерла, слившись с ветками. Я слышала, как он пробежал мимо, фыркая, сбитый с толку. Я выиграла время, но не выиграла

упражнение. Когда время вышло, он нашёл меня по слабому, чисто человеческому запаху страха, который я не могла скрыть. «Хорошая попытка, Пустышка, – усмехнулся он, – но мышей чует даже самый тупой пёс». Унижение было острым, но в глазах инструктора, наблюдавшего за этим, я поймала короткую искру – не одобрения, а констатации: «использовала местность».

Второй день: «Ночной дозор». Мы должны были по очереди охранять импровизированный «лагерь» от «проникновения» старшекурсников. Моя смена выпала на предрассветные часы, когда холод пробирался до костей, а внимание притуплялось. Я не могла положиться на звериную бдительность или острый ночной глаз. Я расставила примитивные ловушки – натянутые ветки с сухими сучками, которые должны были хрустеть. И села не у костра (который был ловушкой сам по себе), а в тени огромного валуна, сливаясь с камнем. Когда двое старшекурсников попытались подкрасться, один из них наступил на сучок. Звук был негромким, но в ночной тишине – как выстрел. Я не ринулась в атаку – это было бы самоубийством. Я резко свистнула, поднимая тревогу. «Лагерь» «спасся». Инструктор, подводя итоги, сказал: «Винтерхолт использовала то, что имеет: уши и сообразительность. Не геройство, но эффективность». Это была первая за всё время прямая, не саркастичная оценка моего ума в деле.

Но кульминацией стал третий день: «Огневое крещение».

Это было командное упражнение в большом овраге. Две команды, «красные» и «синие», должны были захватить «флаг» противника. Оружие – мягкие, но болезненные тренировочные дубинки. Магия и полная смена формы были запрещены, но частичное использование силы зверя – для скорости, прыгучести, обострения чувств – разрешалось.

Я попала в команду к Сигрид и ещё к нескольким не самым сильным, но сообразительным студентам. Нашей противоположностью командовал Лоркан, тот самый, кого я споткнула у Бранна. В его команде была Майя.

С самого начала стало ясно, что для них это не просто упражнение. Это была охота. Особенно – на меня. Они не рвались сразу к нашему флагу. Они начали с фланговых атак, выбивая самых слабых, и каждый раз их взгляды искали меня в толчее. Адреналин липкой волной залил всё внутри. Я была обузой для своей команды, живой мишенью.

И тут я увидела его. Кай. Он стоял на краю оврага с группой наставников, наблюдая. Его лицо было бесстрастным, но я чувствовала его внимание, как физическое давление. Он ждал. Ждал, сломаюсь ли я. Сбегу. Или найду способ.

Нас загнали в узкую часть оврага, засыпанную валунами. Наши ряды редели. У Сигрид уже была «рана» на руке (условная, обозначенная красной краской). И в этот момент Лоркан, двигавшийся с неестественной для человека быстротой (его зверь давал ему рысь), прорвался прямо ко мне. Его глаза горели предвкушением.

Я отскочила за валун. Мысль пронеслась со скоростью молнии: Он быстр, но прямолинеен. Он уверен в своём превосходстве. Я не стала убегать дальше в ловушку тупика. Я сделала то, чего от меня никак не ждали. Я бросилась на него. Не с дубинкой. Безоружной.

Его глаза расширились от неожиданности на долю секунды. Этого было достаточно. Я не пыталась ударить. Я вцепилась ему в руку с дубинкой, повисла всем весом, сбивая прицел, и резко потянула его в сторону, под выставленное колено. Мы грузно рухнули на камни. Боль пронзила бок, но я не отпускала. Я крикнула Сигрид, которая была ближе всех: «Теперь!»

Сигрид, не раздумывая, шлёпнула свою дубинку по его шлему. Судья свистнул: «Лоркан, выбыл!»

Я лежала под его тяжестью, задыхаясь. Он сбросил меня с себя с рычанием, в его глазах кипела ярость и недоумение. «Ты... сумасшедшая!»

Но судья уже подтвердил: «Выбыл». Инструктор, наблюдавший за этим сектором (не Бранн, а другой, помоложе), крикнул: «Нестандартно, Винтерхольт! Использование противника как препятствия!»

Мы проиграли тот бой. Нас «перебили» всех. Но мы продержались дольше, чем ожидали. И я не была выбита первой. Я выбила его. Ценой синяков и сорванного дыхания.

Возвращаясь в Академию, грязная, в потёртой одежде, с ноющим боком, я чувствовала не столько боль, сколько

странную, пустую ясность. Я увидела пределы своих возможностей с ужасающей чёткостью. Хитрость, расчёт, готовность к отчаянным действиям – этого хватало на тактическую победу, на один манёвр. Но не на войну. Не на Испытание. И тем более – не на то, чтобы противостоять тому, что скрывалось за намёками отца в том отчёте.

Мне нужны были не просто знания. Мне нужны были силы. Или, по крайней мере, понимание природы моей слабости. И единственный, кто предлагал ключ, был он.

Вечером, когда по Академии разошлись слухи о «безумной выходке Винтерхолт», я не пошла в столовую. Я отправилась напрямиком в библиотеку.

На третий ярус, к двери с зелёным фонарём. Она была приоткрыта. Я вошла, хлопнув дверью громче, чем планировала.

Кай сидел за тем же столом. Перед ним лежала не книга, а старая, потрёпанная карта пограничья с пометками. Он поднял на меня взгляд. На его лице не было удивления. Была усталая готовность. – Я слышал, ты сегодня устроила представление, – сказал он, откладывая перо. – Я выжила, – огрызнулась я, всё ещё на взводе от адреналина. – Этого было достаточно, чтобы понять. – Что именно? – Что одной хитрости мало. – Я сделала шаг к столу, опираясь на него руками. Боль в боку кольнула. – Ты говорил правду. Про отца. Про «уравнение». Я готова его решать. Но не как пешка. Ты говоришь – партнёрство. Докажи. Покажи мне, что ты зна-

ешь. Сейчас.

Он откинулся на спинку стула, изучая меня. Его взгляд скользнул по моей перепачканной землёй одежде, задержался на том месте, где я инстинктивно прижимала руку к боку.— Хорошо, — тихо сказал он. — Присядь. Начнём с начала. Не с твоего отца. С того, что было до него. С того, что наша Академия, да и все кланы, предпочитают забывать.

Он потянулся к полке и снял огромный, покрытый пылью фолиант. На обложке не было ни названия, ни символа. Только вытершийся от времени знак, напоминающий замерзшую спираль.

— Твой отец, — начал Кай, открывая книгу на странице с похожим знаком, — изучал не просто болезнь. Он изучал наследие. Древнее и очень, очень опасное. И ты, Лира Винтерхолт, судя по всему, являешься его последней хранительницей. Хочешь узнать, что за чудовище ты в себе носишь?

Лёд внутри дрогнул. Не от страха. От предвкушения. Я села в кресло напротив него и кивнула.— Показывай.

Первая переменная

Кай.

Она вошла не как просительница. Она ворвалась. Вся в пыли, с разгорячённым лицом и глазами, в которых бушевала смесь ярости, страха и той самой неукротимой воли, что заставила её броситься на Лоркана. От неё пахло лесом, потом, болью и чем-то острым, горьким – адреналином. И под всем этим – тот самый шлейф. Сегодня он был другим. Чистый холодный воздух смешался с запахом размятой полыни и... дыма. Не костра. Словно что-то внутри неё едва тлело, пытаюсь разгореться, но ей удавалось гасить это своими силами. Этот новый оттенок заставил моего внутреннего волка насторожиться и заворчать от любопытства. Он был сильнее, чем в библиотеке тогда.

«Показывай», – сказала она, и в этом слове не было просьбы. Был вызов.

Хорошо. Если она готова идти до конца, я не буду её щадить. Правда редко бывает утешительной.

Я открыл «Хронику Молчаливых Стражей» – так называли себя последователи древнего культа, верившего, что истинная сила оборотней не в ярости, а в абсолютном контроле, в умении замораживать зверя внутри, превращая его в оружие тишины и невидимости. Клан Винтерхольтов, судя по всему, был одним из последних хранителей этих прак-

тик.— Твой отец, — начал я, проводя пальцем по выцветшим строчкам, — был не просто стратегом. Он был исследователем. Он искал корни. И нашёл их здесь. — Я перевернул страницу, где был изображен тот же спиралевидный знак льда. — «Спящий Лёд». Не метафора. Ритуал. Очень древний и очень опасный. Он позволял сознательно погрузить свою волчью сущность в состояние анабиоза, чтобы... — я загнулся, глядя на неё, — чтобы защитить носителя. Или чтобы спрятать нечто в носителе.

Она не моргнула. Сидела, впившись взглядом в страницу, её лицо было бледным, но твёрдым.— Защитить от чего? Спрятать что?— От тех, кто охотился за этим знанием. Или за тем, что с ним связано. — Я отложил хронику и достал ту самую карту пограничья. На ней были отмечены несколько точек. — Твой отец вёл дневник полевых наблюдений. Неофициальный. Я нашёл его в архивах под грифом «на естественное угасание». В нём он описывает аномалии: места, где магия «истончалась», где молодые оборотни теряли связь со зверем, чувствовали холод. Все эти точки... — я обвёл их пальцем, — образуют круг вокруг одной зоны. Зоны, куда он отправился в свой последний поход. И взял тебя.

Она медленно выдохнула. «Внутренний холод», — прошептала она, вспоминая отчёт с травологии.— Именно. Я думаю, он не просто взял тебя с собой. Он что-то сделал с тобой там. Провёл тот самый ритуал «Спящего Льда». Не до конца, возможно. В панике. Но он заморозил твоего зверя.

Не дал ему проснуться. Чтобы спрятать... или чтобы то, что он в тебе заложил, не было обнаружено.

– Что он мог в меня заложить? – её голос дрогнул, но взгляд не отводила. – Я не знаю. Ключ? Карту? Саму суть этого древнего знания? Или... – я сделал паузу, – или ты не латентная. Ты – законсервированная. Твой зверь не спит. Он заперт. И всё, что происходит вокруг тебя – эти колебания воздуха, этот холод, который ты не чувствуешь, но чувствуют другие – это не его попытки проснуться. Это трещины в ледяной клетке.

Она встала и отошла к книжным стеллажам, будто ей нужно было физическое расстояние от этой идеи. Её плечи были напряжены. От неё сейчас исходил такой концентрированный коктейль страха, боли и решимости, что мой собственный зверь зашевелился, требуя либо бежать, либо напасть. Я заставил его замолчать. Она не была угрозой в привычном смысле. Она была... минным полем. – И что теперь? – спросила она, не оборачиваясь. – Я должна разморозить себя? Как? И что выйдет наружу, если я это сделаю? – Не знаю, – ответил я честно. – Но есть второй вариант. Кто-то ещё знает об этом. Кто-то, из-за кого твой отец спрятал это в тебе. И если они заподозрят, что «контейнер» начал давать течь... – я не стал договаривать. Она была умна и сама понимала.

Она обернулась. В её глазах, тех самых серо-голубых, которые сейчас казались почти чёрными в тусклом свете лампы, не было слёз. Была холодная, беспощадная ясность. – Ис-

пытание, – сказала она. – Круг Признания. Там будет огонь. Ритуал. Если то, что во мне, отзовётся... все увидят.– Все почувствуют, – поправил я. – И тогда вопросов будет больше. В том числе у тех, кого лучше не тревожить.

Она подошла обратно к столу и упёрлась руками в столешницу, наклоняясь ко мне. Её запах ударил с новой силой – теперь в нём явственно читался металлический привкус решимости. – Значит, мы должны узнать, что это, до Испытания. Чтобы контролировать это. Или... чтобы понять, как с этим жить. Ваше предложение о партнёрстве, наследник. Я принимаю. Но на условиях. Вы учите меня всему, что знаете об этом. О «Спящем Льде», о техниках контроля, о том, что нашёл мой отец. А я... – она запнулась, – я буду вашим полевым исследователем. Испытуемой. Что бы ни происходило, вы мне говорите правду. Всю. И мы ищем способ или разморозить это безопасно, или... навсегда его запереть, чтобы оно меня не выдало.

Она говорила с полным пониманием того, что предлагает себя в качестве подопытного кролика. Её смелость, рождённая от отчаяния, была впечатляющей. И раздражающе притягательной.– Условия приняты, – кивнул я. – Но подготовка будет жёсткой. И не только здесь, среди книг. Начнём завтра. После занятий. Здесь же. Я принесу кое-что из архива боевых искусств – техники, которые не требуют звериной силы, но требуют безупречного контроля над телом и дыханием. Если в тебе действительно скрыта сила контроля... их стоит

попробовать.

Она кивнула, коротко, по-деловому.— Хорошо. А теперь... что было в той зоне? На карте отца? Я развернул карту и указал на центр круга.— Здесь. Старое капище. Никто из наших не ходит туда десятилетиями. Говорят, земля там «мёртвая» для нашей магии. Отец твой был последним, кто осмелился это проверить. И, кажется, что-то принёс оттуда.

Она посмотрела на точку, и в её глазах зажёгся тот самый огонь, который я и надеялся увидеть — не страх, а азарт охотника за истиной.— Мы туда пойдём?— Сначала — подготовка. Потом — решим. Одно неверное движение, и мы оба можем оказаться в том же состоянии, что и жертвы из отчёта твоего отца.

Она отступила от стола, её поза говорила, что разговор окончен. Она получила то, за чем пришла — дорожную карту в кошмар. И, кажется, это её не сломало, а закалило.— До завтра, наследник, — бросила она на прощанье и вышла, оставив дверь приоткрытой.

Я сидел несколько минут, прислушиваясь к отдающимся в тишине шагам. Воздух в комнате ещё долго хранил её запах — холод, полынь и теперь ещё этот едва уловимый, обжигающий дымок тления. Мой волк успокоился, но в его тишине читалось ожидание. Мы загнали зверя в угол. Теперь оставалось посмотреть, вырвется ли он, и если да, то в какую сторону бросится.

Я погасил лампу и вышел, твёрдо решив, что каким бы ни

был исход, он будет под моим контролем. Она была самой интригующей и опасной загадкой, которая когда-либо попадала в поле моего зрения. И я был намерен разгадать её первым.

Первый шёпот контроля

Следующий день и слова Кая о "Спящем Лёде" превратили моё существование в ожидание. Я не знала, ждать ли пробуждения или взрыва. Это знание не освободило, а натянуло внутри струну до предела. И мир Академии, казалось, чувствовал это новое напряжение.

Прозвище "Дефектная" прилипло ко мне, как смола. Оно звучало из углов, шипело за спиной. Но теперь, слыша его, я не просто чувствовала жгучий стыд. Я ощущала холодное презрение. Они играли с тем, чего не понимали.

Но были и те, кого привлекала сама загадка. На занятии по древним языкам я поймала на себе пристальный взгляд одного из старшекурсников-архивариев. Он смотрел не с насмешкой, а с жадным любопытством учёного к редкому экспонату. Этот взгляд был почти страшнее насмешек – он обещал вскрытие.

Напряжение выплеснулось наружу после полудня, в дальнем переходе к хозяйственным постройкам. Я шла туда, чтобы сдать починенную одежду, думая о вечерней встрече с Каем. Что он покажет? Какие еще обрывки правды припас?

Я не услышала шагов. Тяжёлая рука впилась в моё плечо, грубо развернула и прижала к холодной каменной стене. Лоркан. Его лицо, обычно туповато-самодовольное, сейчас было искажено обидой и чем-то тёмным, что зажглось в его

глазах после поражения в овраге.

– Дефектная, – прошипел он, его дыхание, густое от звериного возбуждения и злости, ударило мне в лицо. – Ты думала, всё кончилось? Ты меня опозорила.

Он прижался всем телом, и я почувствовала не только силу, а настойчивое, отвратительное давление его бедра. Это было не просто запугивание. Это было заявление. Примитивное, животное утверждение власти через близость, через демонстрацию того, что он может взять то, что хочет. От моей беспомощности его зверь возбуждался. Я почувствовала это в его резком, горячем дыхании у шеи, в том, как его пальцы впились мне в руку не просто чтобы удержать, а чтобы оставить синяк, метку.

– Отпусти, – голос сорвался на хриплый шёпот. Внутри всё сжалось в ледяной ужас, но под ним закипала чёрная, густая ярость. – А что, если нет? – Он придвинул лицо ещё ближе, его нос почти упёрся мне в висок. Он глубоко, с отвратительным фырканьем, втянул воздух. – Ты и правда странно пахнешь... Пустотой. Холодом. Интересно, что будет, если эту пустоту... заполнить?

Его намёк был настолько гнусен, настолько очевиден, что у меня потемнело в глазах. Я зажмурилась, пытаюсь отгородиться, но его тяжесть, его запах, это твёрдое, чужое желание, упирающееся в меня, были повсюду.

И вдруг давление исчезло.

Лоркан отпрянул так резко, будто его отшвырнуло. Он по-

шатнулся, и на его лице промелькнула гримаса не ярости, а чистого, немого страха. Он смотрел не на меня.

Я открыла глаза.

Кай стоял в трёх шагах, в тени выступа стены. Он не двигался. Не кричал. Он просто был. Его фигура в простой тёмной одежде казалась частью самой тени, но янтарные глаза светились в полумраке холодным, неумолимым светом. Он смотрел на Лоркана. Взгляд был лишён эмоций. Это был взгляд хозяина, заметившего, что дворовый пёс посмел задрать лапу на вещь из его кабинета.

В воздухе повисла тишина, густая и давящая. Лоркан что-то пробормотал, бегло, испуганно посмотрел на меня, на Кая, и, развернувшись, почти побежал прочь, его шаги беспорядочно и гулко отдались в камне.

Я осталась прислонённой к стене, дрожа. Дрожь была мелкой, противной, от омерзения и выброса адреналина. Кай медленно перевёл взгляд на меня. Он осмотрел меня с головы до ног – взгляд быстрый, аналитический, как бы оценивая ущерб.– Ты цела? – спросил он. Голос был ровным, без тени сочувствия. Констатация факта.– Цела, – выдавила я, отталкиваясь от стены, чувствуя, как подкашиваются ноги.– Он забыл своё место, – произнёс Кай, больше думая вслух. – И твоё. Это опасно.

Он сделал шаг ближе. От него не пахло потом или злостью. Пахло чистотой, холодным камнем и чем-то ещё – напряжённой, сдерживаемой силой, похожей на запах озона пе-

ред грозой. Этот запах перебил въевшуюся в ноздри вонь страха.— Страх привлекает таких, как он, — сказал он тихо, его глаза теперь были прикованы к моему лицу. — Как кровь акул. Сегодня вечером мы начнём с того, чтобы ты перестала пахнуть страхом. Придёшь?

В его словах не было предложения помощи. Был вызов. И план. Я кивнула, не в силах выговорить ни слова.

Он развернулся и ушёл, не оглядываясь. Его уход, как и появление, был беззвучным и окончательным. Он не стал утешать. Он обозначил проблему и предложил инструмент. По-своему, это было честнее любой жалости.

Вечером я пришла в библиотеку с опозданием в пять минут. Всё тело ещё помнило отвратительное прикосновение, и я намеренно приняла ледяной душ, чтобы смыть с кожи это ощущение. Кай ждал в той же комнате с зелёной лампой. На столе лежало два предмета: пара матовых, тёмно-серых браслетов из какого-то тяжёлого, неблестящего металла и тонкий свиток пергамента.

— Надень, — сказал он, кивнув на браслеты.

Я взяла один. Он был невероятно тяжёлым и холодным. Я застегнула его на запястье, и рука сразу неестественно потянулась вниз. Второй браслет завершил дело. Мои руки висели, как плети, и каждое малейшее движение требовало сознательного усилия.— Что это? — спросила я, с трудом поднимая руку, чтобы рассмотреть непримечательную поверхность.— Обуздание, — ответил он, подходя. Он стоял теперь

близко, и в маленькой комнате его присутствие ощущалось физически. – Твоё тело привыкло к определённой лёгкости. К определённым рефлексам. Эти браслеты их ломают. Они заставляют тебя думать о каждом движении. О каждом мускуле. Контроль начинается с осознания.

Он взял мой локоть, его пальцы обхватили его твёрдо, но без грубости. – Подними руку. Медленно. Сосредоточься не на мышцах руки. На мышцах спины, которые её приводят в движение. Дыши.

Его прикосновение было как удар тока – не болезненный, но разряжающий всю накопившуюся дрожь. Я сделала вдох, как он говорил раньше, животом, и попыталась поднять руку. Это было мучительно трудно. Мышцы горели, протестуя. Пот выступил на лбу. – Медленнее, – его голос звучал прямо у уха. Он стоял сзади, наблюдая, его дыхание касалось моей шеи. – Ты торопишься. Ты ждёшь конца. Не жди. Прими этот процесс. Это и есть контроль. Не сила, а управление.

Я снова попыталась. Сантиметр. Ещё сантиметр. Боль была адской, но странным образом ясной. Чёткой. Она не была похожа на беспомощный ужас от Лоркана. Это была боль, которой я управляла. Вернее, я управляла движением, которое её причиняло. – Хорошо, – пробормотал он, и в его голосе я услышала лёгкое одобрение. Он снова оказался передо мной. Его лицо было сосредоточено. – Теперь опусти. Так же медленно. Ощути каждый момент.

Я опускала руку, и это было не легче. Но когда, наконец,

рука упала вдоль тела, я почувствовала не просто облегчение. Я почувствовала... достижение. Крошечное, но моё.– Повтори с другой, – приказал он.

Мы занимались так, казалось, вечность. Поднять, опустить, сконцентрироваться на дыхании, на отдельных группах мышц. Он иногда поправлял мою позу, его пальцы на моей спине, на плече, были краткими и безличными, но от каждого прикосновения по коже бежали мурашки. Это было не похоже на то омерзительное давление. Это было как если бы хирург касался скальпелем – точно, профессионально, но вторгаясь в самое личное.

В перерыве, когда я стояла, тяжело дыша, а руки горели огнём, он протянул мне кубок с водой.– Первый урок – самый важный, – сказал он, глядя, как я пью. – Тело слушается того, кто к нему прислушивается. Ты сегодня позволила Лоркану вызвать в тебе хаос. Хаос страха. С этими, – он кивнул на браслеты, – ты учишься наводить порядок. Сначала здесь. Потом – внутри.

– А что внутри? – спросила я, возвращая ему кубок. Наши пальцы ненадолго соприкоснулись. Его кожа была тёплой и шероховатой.– Страх. Ярость. Сомнение. Всё, что делает тещу уязвимой, – ответил он, не отводя взгляда. – И кое-что ещё. То, что мы ищем. «Спящий Лёд» – это не просто блок. Это структура. И чтобы её понять, а не сломать, нужна безупречная внутренняя тишина. Не та, что от бессилия. Та, что от контроля.

Он снова подошёл ко мне, на этот раз так близко, что между нами не осталось и полуметра. Я чувствовала исходящее от него тепло, вдыхала его сложный, бодрящий запах. – Завтра, – сказал он тихо, его глаза скользнули по моему лицу, задержались на губах, потом снова встретились с моими, – мы усложним. Снимешь браслеты. Но тяжесть должна остаться здесь. – Он ткнул пальцем мне в центр лба, чуть выше переносицы. Прикосновение было коротким, но от него по всему телу прошла странная, тёплая волна. – Поняла?

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Усталость, боль в мышцах и это новое, щемящее напряжение между нами сплелись в один тугой узел где-то под грудной клеткой. – Иди отдыхать, – приказал он, отступая и разрывая магию близости. – Завтра будет труднее.

Я с трудом расстегнула браслеты. Когда они упали на стол с глухим стуком, мои руки сами взлетели вверх, невесомые и свободные. Контраст был головокружительным. Я посмотрела на Кая. Он уже сидел за столом, склонившись над свитком, как будто ничего и не было.

– Кай, – сказала я у двери. Он поднял голову. – Да? – Спасибо. За урок.

Он кивнул, один раз, коротко, и снова погрузился в чтение.

Я вышла в прохладный полумрак библиотеки. Руки всё ещё помнили тяжесть, а кожа – его точные, безличные прикосновения. Страх перед Лорканом потускнел, отодвинутый

новой, более сложной реальностью. Я не была жертвой. Я была ученицей. А мой учитель был опаснее любого Лоркана. И в этом была странная, леденящая душу надежда.

Трещина

Кай.

Она ушла, оставив в комнате запах. Нет, не просто запах. Ауру. Смесь боли, пота, того чистого, леденящего аромата пустоты-которой-не-бывает и теперь ещё – едва уловимого, горьковатого дыма преодоления. Он висел в воздухе, обволакивая, проникая сквозь запах старой бумаги и воска. Я сидел, сжимая перо, пока суставы не побелели.

Она сделала это. Сдвинула эту чертову гирю. Не один раз. Десятки. Без стога, без жалобы. Только тонкие брови, сведённые в напряжении, да упрямая складка у губ. Её воля была отточенным клинком – хрупким, но невероятно острым. И когда она, наконец, опустила обессиленные руки, в её глазах вспыхнула не гордость, а холодная, ясная удовлетворённость. Как у стратега, разгадавшего сложный ход.

Именно в этот момент у меня сжались челюсти от внезапного, животного импульса. Не защитить. Не наставить. Придавить. Пригвоздить её к этому же столу, вгрызться зубами в то место, где шея переходит в плечо, и заставить этот холодный, выверенный контроль разбиться о что-то первобытное и неоспоримое. Заставить её пахнуть не полынью и снегом, а мной. Страхом и мной.

Я резко встал, и стул с грохотом отъехал назад. Глупость. Чистейшая, непростительная глупость. Она была перемен-

ной. Проблемой. Возможным ключом к угрозе, которая нависла над Академией с момента смерти Аррена Винтерхолт. И я, наследник, думал о том, чтобы оставить на ней следы.

Но это было не только желание. Это было раздражение. Она вносила хаос в мой порядок. Не своими действиями – своим существованием. Её запах не вписывался ни в одну категорию. Он дразнил. Моего волка он одновременно притягивал и настораживал, заставляя рычать в глубине души от непонимания. Это выводило из равновесия. А я ненавидел быть не в равновесии.

Я собирался потушить лампу и уйти, привести мысли в порядок в спартанской тишине своих покоев, когда в дверь постучали. Не её робкий стук. Твёрдый, отрывистый – стук гонца. – Вас требует ректор, наследник. Немедленно.

Тон не предвещал ничего хорошего. Я накинул плащ и вышел, на ходу стирая с лица следы неподобающих мыслей.

Кабинет ректора был освещён ярче обычного. За массивным столом сидел не только седовласый, всегда спокойный ректор Орвин. Рядом, в кресле, от которого, казалось, исходил морозный воздух, восседал мой отец, Торин, глава клана Солнечного Клыка. Его лицо, высеченное из гранита лет и ответственности, было непроницаемым, но в глазах, таких же янтарных, как мои, бушевала буря. Это был взгляд не отца, а правителя, застигнутого врасплох.

– Закрой дверь, Кай, – сказал ректор. Его голос потерял обычную медовую мягкость.

Я закрыл.— Что случилось?— Вчера ночью, — начал отец, отчеканивая каждое слово, — в полутора милях к северу от Академии, в старом ельнике, нашли тело. Студент второго курса. Из клана Скальных Рыков.

Я ждал продолжения. Смерти случались. На тренировках, в стычках...— Он не погиб в драке, — ректор перехватил нить разговора. Его пальцы нервно перебирали печать на столе. — Его нашли... замороженным изнутри. Органы, плоть... но кожа не повреждена. Ни следов борьбы, ни ран. Только... лёд. И выражение абсолютного ужаса на лице.

Воздух в комнате стал ледяным. У меня в ушах зазвучало эхо: «внутреннее замораживание». Строчки из отчёта Аррена Винтерхольта, который я изучал вчера.— Симптомы, — сказал я тихо, — совпадают с теми случаями, что изучал Аррен Винтерхольт.

Отец кивнул, один резкий кивок.— Именно. Тишина десять лет. И вот... вспышка. Рядом с нашими стенами. Совет кланов уже в курсе. Паника недопустима. Никакой огласки. Тело тайно вывезли. Расследование будет внутренним, тихим.

Я понимал. Один намёк на то, что в лесах вокруг Академии орудует нечто, способное «гасить» оборотней столь жутким образом, вызовет хаос. Родители заберут детей. Репутация будет разрушена.— Что от меня требуется? — спросил я, глядя на отца. Я знал, что это не просто информирование.

— Бдительность, — сказал ректор. — Глаза и уши. Среди сту-

дентов могут быть... невольные свидетели. Или, – он тяжело вздохнул, – источник информации для того, кто это делает.– Ты находишься в эпицентре, Кай, – голос отца был стальным. – Твоя задача – наблюдать. За всем. За подозрительными передвижениями, за разговорами, за любыми аномалиями. И особенно... – он сделал паузу, и его взгляд стал пронзительным, – за теми, кто связан с прошлыми инцидентами. С семьёй Винтерхолт.

Он не назвал её имени. Не нужно было.– Ты думаешь, она как-то причастна? – спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.– Я думаю, что смерть Аррена и эта новая смерть – звенья одной цепи. И его дочь – часть этой цепи, хочет она того или нет. Она может быть мишенью. Или ключом. Возможно, и тем, и другим. Твоя протекция над ней... продолжай. Но теперь с новой целью. Узнай, что она знает. Что скрывает. И держи её близко. Если это на неё охотятся – пусть хищник попадёт в капкан, расставленный нами. Если в ней что-то есть... мы должны это контролировать.

Приказ был ясен. Использовать её как приманку. Как инструмент. Холодная, безжалостная логика власти. И часть меня – наследник, солдат клана – соглашалась с ней. Но другая часть, та, что час назад хотела вцепиться ей в плечо, отчаянно протестовала.

– Я понял, – сказал я, опустив голову в формальном поклоне.

Выйдя из кабинета, я не пошёл в свои покои. Я снова на-

правился в библиотеку, но не в ту комнату. Я поднялся выше, на закрытую смотровую площадку под самым куполом башни. Оттуда был виден тот самый северный лес, тёмный, безмолвный, хранящий новую смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.